

Михаил АРДЫШЕВ
**ЖИВЕЕ
ВСЕХ
ЖИВЫХ**

@ЭЛИТА

12+

Михаил Ардышев

Живее всех живых (сборник)

Электронное издательство "Аэлита"

2013

Ардышев М.

Живее всех живых (сборник) / М. Ардышев — Электронное издательство "Аэлита", 2013

Повесть «Живее всех живых». В небольшом городке Н-ске бушует полтергейст. Гости города – молодая супружеская пара Сергей и Инга – оказываются в гуще событий. Друг Сергея Геннадий, местный учёный, раскрывает им страшную правду о подоплёке аномальных явлений. Волею судьбы именно Инге предстоит вернуть мир и покой в души живых и застрявших в пси-измерении взрослых и детей. Кроме данной повести в сборник с одноимённым названием вошли разнообразные рассказы с элементами фантастики и фэнтези. Целевая аудитория сборника – читатели любых возрастов, семейные люди, имеющие детей, владельцы собак, люди, пострадавшие от «сухого закона», и просто все любители хорошей фантастики.

© Ардышев М., 2013

© Электронное издательство
"Аэлита", 2013

Содержание

Живее всех живых	5
1	5
2	8
3	11
4	17
5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Михаил Ардышев

Живее всех живых (сборник)

Живее всех живых

1

Нападение было внезапным. От сильного толчка в спину я просто грохнулся лицом в сырую траву. Инга успела вскрикнуть, но уже через секунду составляла мне компанию на мокром после дождя газоне. Ветер прошёлся по нашим спинам и скрылся в листве ближайшего тополя. Спустя мгновение дерево задрожало, зашумело листьями, и раздался противный скрипучий звук. Я лежал, уткнувшись лицом в землю, и чувствовал, как волосы на голове неприятно шевелятся. Тем временем, скрип перешёл в подобие старческого прокуренного кашля, и я вдруг понял – это же смех. Невероятно, но привидение забавлялось своей выходкой!

Одно дело читать «Памятку гостям города Н-ска» и посмеиваться над всеми «реальными случаями» встречи незадачливых туристов, командированных и прочих приезжих с местным полтергейстом. Совсем другое дело лежать в насквозь промокшей одежде и бояться пошевелиться, зная, что в нескольких метрах над тобой затаился и ждёт дух умершего, и, судя по всему, пакостного человека. Нет, нельзя сказать, что я не верил написанному. И даже допускал подобного рода эпизоды с собой в главной роли. Но в глубине души почему-то казалось: вряд ли, а если и случится, то наверняка привидение окажется «добрым», и мы подружимся. Хотя было же написано в Памятке, что в семидесяти восьми процентах случаев это не так. Далеко не так.

Я медленно повернул голову и посмотрел на жену. «Ты как?» – спросил одними губами. Инга улыбнулась. Всё-таки она у меня молодец. Держится.

Я скосил глаза к поясу, где висел мобильник. «В случае нападения звоните с Вашего мобильного 666...» – всплыли из памяти строки. Я тогда подумал: какое дурацкое сочетание цифр. Но ведь на это и было рассчитано: дурацкое, но запоминаешь сразу. Очень медленно я опустил левую руку. Пальцы нащупали клавиатуру. Вот и пригодилась моя ностальгическая привязанность к подобным доисторическим кнопочным раритетам. Так, «шестёрка» третья во втором ряду. Раз, два, три. Зелёная кнопка вызова. «Если не можете разговаривать, оставайтесь в режиме передачи. Мы найдём Вас...». Что ж, разговаривать совсем не хотелось. Это чёртово привидение пока затаилось и ничем себя не выдавало, но то, что оно никуда не делось, а где-то здесь, рядом, я чувствовал.

Мы с Ингой лежали и смотрели друг на друга. Я держал в правой руке её холодную ладошку и поглаживал пальцами. Время, казалось, застыло...

Я уже начал замерзать в мокрой одежде на остывающей земле, когда вдруг раздался низкий гул, в ушах запульсировало, волосы на голове поднялись и затрещали мелкими электрическими разрядами, а где-то вверху послышался короткий пронзительный свист и хлопок закрывающейся крышки, после чего всё стихло.

– Эй, внизу. Вы живы?

Я медленно поднял голову и посмотрел вверх. На фоне звёздного неба мерцал габаритными огнями флаер с тремя люминесцентными шестёрками на брюхе. Поднявшись и отряхнувшись, я помог встать жене. Флаер бесшумно опустился невдалеке. Прозрачный колпак съехал назад, из кабины выпрыгнул мужчина в тёмно-синей униформе спасателя и направился к нам.

– Как вы себя чувствуете? Вам нужна помощь? – спросил он, подойдя и с тревогой рассматривая нас.

– Нет, спасибо. Всё в порядке, – успокоил я его.

Внимательно осмотрев нас и убедившись, что помощь не нужна, спасатель достал из нагрудного кармана рацию.

– Седьмой докладывает. Лесопарк. Юго-запад. Панкратова Евдокия Петровна. Тысяча девятьсот ... – две тысячи ... Нападение. Два человека. Не пострадали. Ловушка. Изоляция. Конец связи.

Рация ответила что-то нечленораздельное. Мужчина удовлетворённо убрал её в карман, и, развернувшись, зашагал к флаеру.

– Эй, подождите! А как же мы? – крикнула Инга.

– Идите куда шли, – бросил он через плечо. – Здесь больше не опасно.

– Пойдите, эй! – Я побежал за ним. Спасатель успел поставить ногу на борт машины, когда я догнал его. В кабине сидел его напарник и с любопытством поглядывал на нас.

– Подождите. Скажите, что это было? То есть я хотел сказать, кто это был?

– Вы же всё слышали, – поморщившись, ответил тот. – Панкратова. Померла пару лет назад. Шалит иногда.

Он постоял мгновенье, раздумывая, затем принял решение, убрал ногу с борта и достал сигареты.

– При жизни стервой была, если честно, – резюмировал спасатель, закуривая. Напарник тоже вылез из кабины и присоединился к нам. Подошла Инга.

– О мёртвых либо хорошо, либо ничего, – напомнил я.

– Всё правильно, – кивнул спасатель. – Только у нас добавляют: «К привидениям это не относится».

Напарники переглянулись понимающе. Чего нельзя сказать о нас с Ингой. Повисла неловкая пауза.

– Меня Сергеем зовут, – представился я. – Инга, моя жена.

– Юрий.

– Саша.

Мы обменялись рукопожатиями. Рация молчала, и наши спасители, похоже, были не прочь поболтать. Короткая майская ночь только начиналась, после дождя было достаточно прохладно. Тучи разогнало, и потрясающая звёздная россыпь висела над нами во всей красе. Городской шум и яркий искусственный свет были где-то в километре отсюда, а здесь нас окружали только звёзды и треск цикад.

– Мы первый раз в вашем городе, – начал я. – Слышали, конечно, про полтергейст, но чтоб самим вот так... Жутковато.

– А второго раза обычно не бывает, – усмехнулся Саша. Он был младший в паре и казался не таким серьёзным, как напарник.

Мы с Ингой переглянулись. Я спросил:

– Неужели так опасно? Нам повезло, что остались живы?

Саша рассмеялся:

– Да нет, вы не так поняли. Просто после такого экстрима люди на первом же автобусе или поезде ту-ту-у отсюда.

Я поймал себя на том, что совсем недавно на мокром газоне под деревом с Евдокией Петровной сам проклинал себя за то, что припёрся в этот чёртов город, что ноги моей здесь... и всё в том же духе.

– Беда это наша, – вздохнул Юрий. – Прямо напасть какая-то. Боремся, конечно, как можем. Научились нейтрализовывать, изолировать, ловушки вот всякие... – Он пнул ногой флаер. – Только толку мало.

– А кто эти люди? – спросила Инга. – Привидения, я хотела сказать. Почему они это делают? И вообще, почему они здесь, в нашем мире?

– Неупокоенные души, – ответил Юрий. – Неуютно им здесь, тягостно, мучаются они. Оттого и злятся, вытворяют всякое, прости Господи. Контингент разношёрстный, но одно общее: все не своей смертью померли.

– Восемь из десяти случаев подобны вашему, а то и похлеще, – добавил Саша. – Наши-то, местные, привыкли, а иногородние прут как мухи на мёд. – И ловко запустил окурок в темноту.

Я понял, что это относится и к нам с Ингой, но Саша продолжал:

– Только мы ничего против не имеем, гостям рады. Да и туризм – штука прибыльная.

– А остальные два из десяти? – спросил я.

– Нейтральный полтергейст, – ответил Саша, залезая в машину. – Неодушевлённые предметы: вещи, мебель, посуда. Почти не опасно, одним словом. Или контакты с людьми, но другого рода, – закончил он, садясь в кресло.

– Что значит другого рода? – продолжал допытываться я.

– Без физического вреда здоровью.

– И кто ж эти «добрые» привидения?

Саша бросил на меня какой-то странный взгляд и отвернулся. Я непонимающе посмотрел на Юрия. Тот докуривал сигарету, глубоко затягиваясь и рискуя обжечь пальцы. Раздавив окурок носком ботинка, он развернулся и стал забираться во флаер, так и не удосужив нас ответом.

Мы в растерянности наблюдали, как Юрий устраивается в кресле. Когда в его кармане ожила рация, он, кажется, даже обрадовался этому.

– Седьмой на связи.

На этот раз удалось разобрать слова:

– Седьмой, вызывает база. Переулок Строителей семь, квартира тридцать два. Недалеко от вас. Полтергейст с пирокинезом. Как поняли?

– Поняли, вылетаем. Конец связи.

Давая понять, что разговор окончен, Юрий нажал кнопку на приборной панели, и прозрачный колпак пополз вниз. Но тут же остановился. Юрий повернул голову и посмотрел мне прямо в глаза. Потом перевёл взгляд на Ингу.

– Это дети.

– Какие дети? – не поняла жена.

– Неупокоенные души.

Колпак ещё не захлопнулся, а флаер, заломив крутой вираж, скрылся в звёздном небе, моргнув на прощанье тускло-зелёными шестёрками.

Мы постояли несколько минут в полном смятении, приводя в порядок свои мысли. Затем молча направились по тёмной аллее к шумящей вдали автостраде.

2

Утро выдалось прекрасным. Я валялся на кровати на четвёртом, последнем этаже гостиницы «Южная». Единственной гостиницы в городе, где вчера по приезду нам удалось снять номер. Вчерашнее происшествие почти забылось, стёрлось из памяти. Сквозь шторы на окне пробивалось солнце. Из открытой балконной двери доносилась утренняя переключка местных пернатых...

Инга была в ванной. Сквозь шум льющейся воды был слышен её голос, пытающийся воспроизвести какую-то модную мелодию. Без успеха. Жена явно фальшивила, но это её нисколько не волновало. Впрочем, меня тоже.

Я дотянулся до тумбочки и взял пульт. Через пару секунд на экране телевизора появилась картинка. Девушка в строгом деловом костюме с микрофоном в руке говорила что-то с серьёзным лицом. Я прибавил звук.

– ...уже третье происшествие с начала недели. На этот раз нападению подверглась супружеская пара из Томска, приехавшая в наш город на научную конференцию.

На экране появились наши фотографии. Оперативно работают! Хотя вычислить нас было несложно, мы и не скрывались. Зайти на сайт Н-ского научного центра, далее информация по конференциям, стажировкам, командировкам. Список имён, фотографии... Минут семьдесят, я думаю, и вот – пожалуйста. Я с удочкой на Белом озере (ну, люблю я эту фотку!) и Инга в её любимом красном платье (та же история).

– Инга, иди сюда. – Я попытался перекричать шум воды. – Нас показывают.

Шум воды стих. Инга выскочила из ванной, на ходу наматывая полотенце, прошлёпала, оставляя мокрые следы, и плюхнулась рядом со мной.

Тем временем на экране возник Юрий в той же тёмно-синей униформе, на этот раз на фоне логотипа МЧС. Майор Юрий Борзенко, заместитель командира группы быстрого реагирования отдела «П» Управления МЧС по городу Н-ску – значилось в титре.

– Нападавшая была идентифицирована как почившая неуспокоенная Панкратова, семьдесят четыре года на момент смерти. Наш экипаж прибыл на место спустя две минуты... – Я удивлённо поднял брови: две минуты?! Да я продрог весь. – как был получен сигнал. Была применена стандартная процедура изоляции. Благодаря оперативным и слаженным действиям серьёзных последствий удалось избежать, люди не пострадали, – казённой фразой закончил спасатель.

Журналистка спросила:

– Что ещё известно о личности нападавшей?

– До выхода на пенсию работала в Н-ском департаменте образования. Устроила туда же дочь, Кочетову Ольгу Валерьевну, в девичестве Панкратову, впоследствии директора Школы. – Юрий замолчал, посмотрел на журналистку и негромко закончил: – Эффект Эха налицо.

– Понятно. Я напоминаю нашим зрителям, что послезавтра очередная годовщина Дня Школы.

Девушка продолжала:

– Следующий инцидент произошёл спустя каких-то десять минут в квартире на восьмом этаже многоквартирного дома по переулку Строителей, семь.

Появилась картинка панельной многоэтажки. Камера дала увеличение и наехала на окно, в котором вместо стекла колыхалась на ветру плёнка. Над окном ясно были видны следы копоти, оставленные вырывавшимися языками пламени.

Пошли кадры, снятые внутри дома. Оператор снимал на ходу. Пролёт лестницы, клетка на четыре квартиры. Направо. Дверь открывается, прихожая, коридор. Кухня, женское лицо.

Налево. Комната, видимо, гостиная. Дальше. Дверь в комнату, заходим. Следы пожара повсюду. По каким-то мелким деталям понятно: это была детская.

Мужчина в майке и трико, хозяин квартиры:

– Мы ужинали на кухне, когда в детской раздался шум. Там никого не было, мы с женой были на кухне, как я сказал, а Петька ещё не пришёл с тренировки. Петька – сынок наш. Я побежал в детскую. Открываю дверь, а там штора горит на окне. И вдруг в меня стул полетел, я еле дверь успел захлопнуть. Вот так взял, отъехал от Петькиного стола, он на колёсиках, стул то есть, поднялся в воздух и ка-ак понесётся на меня!..

Откровения мужчины приглушили, он продолжал шевелить губами и возбуждённо жестикулировать, а голос за кадром продолжил:

– Как нам удалось выяснить, семья Гришаевых приобрела эту квартиру семь месяцев назад. Ранее в ней проживал Рамиз Сайдулаев с семьёй, директор строительного управления, трагически погибший в ноябре прошлого года. Напомню, что возглавляемое Сайдулаевым управление выступало подрядчиком при строительстве Школы.

Хозяину квартиры опять дали слово:

– ...и вообще, почему моя семья должна страдать? Какие-то... – Он посмотрел в камеру, пожевал губами, ища подходящее слово, но так и не нашёл. – ...наломают дров, а я отвечай, да? – Затем почему-то покраснел и обиженно закончил: – У меня тоже, между прочим, дети. Сын вон растёт, Петька.

Пошла реклама, я убрал звук.

«Что у вас здесь творится, товарищ майор?» – озадаченно подумал я. Оказалось, вслух.

– Ты что-то сказал? – спросила Инга.

– Как думаешь, что за День Школы и Эффект Эха?

– Не знаю, – буркнула Инга, соскакивая с кровати. – Вечером у твоего Чернова спросим. Она открыла шкаф-купе и задумчиво уставилась на развешанные на вешалках платья.

– Я сегодня до обеда прошвырнусь по магазинам, если ты не против. Встретимся здесь... в обед?

– После обеда, часа в четыре. Мне ещё на секционном надо посидеть, – с сожалением вздохнул я.

– Как тебе вот это? – спросила Инга, прижимая к груди светло-зелёное в горошек платье выше колен.

Когда я попытался её схватить, она легко увернулась и скрылась в ванной.

Генка Чернов был моим однокашником. Пять лет учёбы в университете нас сильно сблизили. Мы стали друзьями. Почвой для дружбы стал общий интерес, точнее, страсть – мы оба любили путешествовать. Не в смысле всяких там хургад и анталий с загоранием на пляже и наслаждением напитками-закусками по системе «всё включено». Нет. Путешествие в нашем понимании этого слова включало рюкзак, спальник, палатку и прочую атрибутику туриста-дикаря. Маршруты выбирались соответствующие: Алтай, Хакасия, Байкал. И подальше от оживлённых мест отдыха, благо необъятная наша Родина предоставляла такую возможность.

Надо сказать, при первом знакомстве Генка не произвёл на меня ровным счётом никакого впечатления. Щуплый, невысокого роста, застенчивый, в безумных очках-линзах. И в первый месяц учёбы, когда по закону формирования любого коллектива происходит разделение на группы по интересам, нас прибило к разным группам. Роль сыграло и то, что я был местный, а он – общаговский, кемеровчанин.

Но однажды, в начале октября, мы совершенно случайно пересеклись в городе и разговорились. Он рассказал мне про Горную Шорию, про Шерегеш летом, когда нет толп горнолыжников, облепляющих склоны днём и заполняющих битком кафешки внизу, вечером. Я тоже поведал ему про пару своих подвигов типа «пешком с одной ночёвкой по левому берегу Томи

до слияния с Обью». Уже в ближайшие выходные мы предприняли вылазку на Синий Утёс с ночёвкой в палатке на высоком яру над вяло текущей рекой. И, что называется, понеслось. За пять лет на карте азиатской части России осталось не так много мест, где не ступала наша нога.

Месяц по озёрной Хакасии, по одному-два дня на каждое озеро. Солёное, пресное. Пресное, солёное... Финиш на Столбах в Красноярске, где Генка не рискнул, а я всё-таки забрался на Перья. Или по берегу Байкала от Култука до Селенги. Денег тогда нарочно взяли только на дорогу, так что я потом долго не мог смотреть на грибы в любом виде. Или Обь-Енисейский канал. Песня! Строившийся ещё в царские времена, но так и не законченный, совершенно не судоходный, с армадами комаров «с палец величиной», с вкуснейшей рыбой, был пройден за две недели двумя смертельно уставшими, но счастливыми идиотами...

После защиты диплома я остался в Томске, а Чернов укатил в Н-ск. Он ещё на четвёртом курсе выезжал пару раз в здешний научный центр на студенческие конференции. Его заметили, взяли в аспирантуру. Я тоже поступил в аспирантуру на своём физфаке. Тогда мне казалось это правильным. Хотя интерес уже пропал... Примерно в то же время я познакомился с Ингой, молоденькой практиканткой-учительницей в школе, где я когда-то учился, и куда меня каким-то ветром занесло в тот день. Взаимная симпатия быстро переросла в любовь, и спустя три месяца Инга стала Морозовой.

Поэтому вчера утром, увидев Генку в холле на регистрации, я искренне обрадовался. Он почти не изменился. Если не считать лысины, которая во времена студенчества уже начала проявляться, но с возмущением отрицалась под личиной «очень высокого лба». В облике теперешнего Генки присутствовали также модные очки-щёлочки и дорогой костюм. На пленарном мы сели рядом, и болтали, пока не объявили его доклад. Чернов вышел к трибуне и начал выступление. И я с белой завистью осознал, как он вырос. Выступать с приглашённым докладом на пленарном заседании международной конференции (за моей спиной щебетали китайцы, а чуть в отдалении грыз карандаш рыжий профессор-немец) – это тебе не хухры-мухры. Да и тематика, как я понял из доклада, была самая передовая. Молодец, Генка!

Закончив выступать и ответив на вопросы, два из которых были на английском и французском (ответы, соответственно, тоже!), он опять подсел ко мне, и мы договорились продолжить встречу у него дома завтра вечером.

– Сегодня я не могу, – с огорчением сказал Генка. – Важная встреча. – Он театрально вздохнул. – Но с возлияниями. Освобожусь поздно. А уж завтра мы с тобой...

– Не сопьёшься, Ген? – поинтересовался я.

– Ни в жисть, – засмеялся он. – Приходите, познакомишь с женой.

– А ты не женился?

Генка вздохнул и с серьёзным видом выдал каламбур поручика Ржевского:

– Мне не досуг.

3

Инга заявила в шестом часу. Счастливая. С новой сумочкой.

– Ну как? – Два шага ко мне, разворот, два шага назад, улыбка до ушей. – Представляешь, на распродажу попала. Всего три рубля. У нас я такую за десять видела.

Представив себе столь грандиозное событие в жизни любой женщины, и выразив обречённое одобрение фразой «тебе очень идёт», я велел ей собираться, так как Чернов ждал нас в шесть. Инга скрылась в ванной, но уже через минуту (!) – удовлетворённая женщина способна творить чудеса – вышла в полной боевой раскраске.

По дороге мы зашли в магазин и по настоянию Инги («он холостяк, верно? тогда не спорь») купили курицу, колбасу, хлеб, какие-то салаты, а также бутылку коньяка («и лимончик возьми под коньяк») и бутылку водки («теперь ты не спорь, или хочешь, чтоб побежали на ночь глядя?»). Опоздав всего на десять минут, мы зашли в подъезд Генкиного дома.

Поприветствовав меня рукопожатием, Генка переключил внимание на Ингу. Галантно представился:

– Геннадий Чернов.

– Инга Морозова, – в тон ему ответила жена. – Где у вас кухня?

– Прошу за мной.

Я прошёл в комнату. Присвистнул.

Небольшая однокомнатная квартира в стандартной многоэтажке выглядела очень даже ничего. Мягких тонов обои на стенах, неплохой ламинат на полу, двухуровневый потолок с круглым зеркалом в центре и модными лампочками-розетками по окружности. Шкаф-купе во всю противоположную от окна стену. Кровать-трансформер, кресло, компьютерный стол, гибкий TV-экран с диагональю эдак метра полтора. Мои подозрения о финансовом благополучии друга окрепли. Лаконично. Функционально. Холостяцкая нора. Нора-люкс, точнее сказать.

Из кухни появился обескураженный Генка.

– Меня выгнали.

– Правильно сделали. – Я крикнул жене: – Инга, мы пока по чуть-чуть.

Из кухни донеслось:

– Ага. Я лимончик режу.

Генка просиял:

– Золотая у тебя жена, Серёга.

Я вздохнул:

– Жениться тебе надо, барин.

...Через полчаса прозрачного стекла сервировочный столик стараниями Инги приобрёл вполне приятный глазу вид. Сидеть на кухне Генка наотрез отказался, и мы расположились в комнате. Он на правах хозяина занял кресло, а нам досталась его кровать.

Коньяк волшебным образом перекочевал в рюмки, и Чернов произнёс тост, оригинальней и остроумней которого человечество ещё не придумало:

– За встречу.

...Тара из-под неплохого дагестанского коньяка пылилась под столом, остатки водки – на столе. Чернов вальяжно развалился в кресле. Инга притомилась, и лежала, свернувшись калачиком, на кровати головой у меня на коленях. После пары рейдов на балкон курили в комнате. Салатница из-под корейского хе безропотно приняла участь пепельницы.

Все страницы совместной молодости были перелистаны, и повисла неловкая пауза. Я вдруг вспомнил про вчерашнее происшествие.

– Ген, с нами вчера такое приключилось... – И рассказал, как вечерняя прогулка по городу, знакомство с достопримечательностями, закончилась в лесопарке на мокрой траве с привидением.

Генка не смеялся, даже не улыбнулся, несмотря на то, что я бравировал, вставлял шуточки. Одним словом, пытался показать, что мы-де не лыком шиты, что нас привидениями не запугаешь.

– Занятно, – произнёс Чернов, когда я закончил.

– Занятно? Это всё, что ты можешь сказать?

– Ну-у... Ты хочешь, чтобы я расхохотался? Или запричитал «ой, вы, бедненькие»?

Я смутился.

– Нет, но...

– Знаешь, сколько я таких рассказов слышал? Мы же занимаемся этой тематикой.

– Так-так. С этого места подробней.

– Ты сначала налей, потом требуй.

Я посмотрел на Ингу. Она покачала головой. Мы же с Генкой выпили, закусили.

Чернов прожевал, откинулся на спинку кресла, закинул ногу за ногу и скрестил руки на животе.

– Начну издалека. Ещё до меня, лет семь... нет, восемь назад, научный центр выиграл грант по линии МЧС.

Я удивлённо поднял брови:

– Грант МЧС?

– Не удивляйся. Тут как раз началась эта эпидемия, как мы её называем. Буйство полтергейста в массовых масштабах. Ни с того ни с сего горит одежда. Мебель и посуда начинают летать. Ночью по квартире бродит кто-то. Люди видят умерших и прочее-прочее. Посыпались звонки. А куда люди звонят? Правильно, в полицию: «у меня кто-то по квартире шастает», или пожарным, в МЧС то бишь: «хотела сесть на табуретку, а она как вспыхнет». В скорую почти не звонили. – Генка улыбнулся. – «Ко мне вчера муж приходил, он помер уж три месяца, как». Хватало у людей ума, понимали, какой диагноз будет. Но тоже, знаешь, случалось. Когда количество звонков достигло критической массы, чеэсники зашевелились. Напрягли Москву, нашли деньги. Надо ж как-то бороться. А чтобы бороться, надо сперва понять, что это такое. А тут под боком неслабый научный центр. В общем, конкурс был формальным. Забегая вперёд, скажу, что денежки мы отработали с лихвой. Вот ты говорил, что волосы шевелились, когда на траве валялся?

Я кивнул.

– Это называется высоковольтный пси-акцептор. В народе – ловушка. Но вернёмся назад. С чего начинается любое научное исследование? Со сбора данных по проблеме. Трудности возникли сразу. Научная литература, включая периодику, как само собой разумеющееся, в нашей ситуации отпадала по определению. Полтергейст, как известно, официальной наукой отрицается. Ну, или, по крайней мере, признаётся как нечто недоказанное. Пошли другим путём. Обратились к уфологам, к их вменяемому меньшинству. Они занимаются не только тарелочками, как я думал, но и барабашками, привидениями и прочей нечистью. Ребята, как оказалось, накопили много информации. Всё собирали, отсеивали явные фальшивки (девятью-сто шесть из ста), пытались анализировать (безуспешно) и складывали в архив. Вот этим архивом мы, с их любезного согласия, и воспользовались.

Много интересного узнали. Например, всплеск активности полтергейста наблюдается вблизи мест массовой гибели людей. И проявляет он себя, в большинстве случаев, негативно по отношению к человеку. Не в смысле физической агрессии, а по-другому. Работает вербально, давит на психику, сводит с ума, подталкивает к суициду. Или другой пример. Полтергейст невозможно увидеть прямым зрением.

– То есть?

– То есть боковым зрением – пожалуйста. Промелькнёт что-то – ты вроде и не видишь, а мозг фиксирует. Фототехника берёт, и цифра и плёнка, особенно широкоапертурные объективы. А человеческий глаз... Увидеть можно, видеть не дано.

– Природу разгадали?

– погоди, не перебивай. – Генка сейчас был на трибуне и перебивать его действительно не стоило. – Вторая часть исследования – методика эксперимента. Каким инструментарием, скажи на милость, познавать непознаваемое? Нет, скажем мягче – непознанное? Как аборигену Центральной Африки измерить радиоактивность изотопа урана? Счётчика Гейгера априори нет. Есть абориген, одна штука, шоколадный и в перьях. Есть куча земли, вынутая из рудника, она же ураносодержащая руда. Мы с тобой знаем, что куча сильно «фонит». Сумели втолковать аборигену, что она испускает невидимые смертельные лучи. И ставим ему задачу: измерь-ка, братец, нам эти лучи. В чём измерять? В чём хочешь: в кокосах-бананах, в лунных циклах, в сезонах дождей... Мы столкнулись с такой же проблемой.

– Не утрируй.

– Ничуть. Призракометров и упыриографов у нас не было. Счётчиками-датчиками, осциллографами с вольтметрами мерить нечисть?

Я пожал плечами. Мой друг продолжал сверлить меня взглядом. Я сдался:

– Правда, не знаю. Попробовать можно.

– Поздравляю, коллега. На безрыбье сам знаешь что. Так и сделали. Гамма-лучи в попугаях стали мерить. И знаешь, как ни странно, получилось! Взять к примеру этот ВВ пси-акцептор. Случайно ведь получилось...

Я снова прервал его:

– Что за «пси»-то?

Чернов вдруг замолчал, словно споткнувшись о что-то. Затем опустил глаза и тихо спросил:

– Серёга, у тебя какой допуск?

– ДСП, а что?

Он замялся и извиняющимся тоном объяснил:

– Я подписывал... Гриф, понимаешь?

– Та-ак... – я откинулся на кровати.

Лектора, особенно любящего свою работу, трудно заставить прервать лекцию. Генка нашёл выход.

– Я тебе в общих словах, без деталей. Ладно?

– Валяй.

– Четыре вида взаимодействия: электромагнитное, гравитационное, сильное и слабое, – Генка загнул четыре пальца. – Так?

– Допустим.

– ?!

– Да так, так. Не тяни.

– Четыре. Было известно. Сейчас пять.

Он жадно смотрел на меня, ожидая эффекта. До меня доходило медленнее, чем до жирафа. Мой друг плюнул.

– Гравитационное отдыхает: такие траектории фиксировали, мама не горюй. Сильное и слабое тоже не работают: любой материальный объект прошивается, не замечая. С электромагнитным были сомнения, но разобрались: не то. Хотя именно на сильных полях работает «ловушка».

– Ловушка? – в душе я улыбался. Ох, не выдержит душа поэта, выложит Генка всё, что знает. Но нет...

– Понимаешь, она не ловушка никакая. Именно акцептор, приёмник. Но в народе прижилось – и ладно. Пси-энергию, как бы это сказать... – Чернов постучал пальцами по столу. – ...она притягивает, интересуется, манит. Не надолго, к сожаленью.

– Не изолирует? – я вспомнил спасателя Юрия.

– Какая, к чёрту, изоляция?! – возмущённо прыснул Генка. – Время локализации от минут до суток.

– *Манит, интересуется*... Как это всё по-людски, Гена. Подходим к главному?

Мой друг вздохнул.

– Я тебя понял, Сергей. Я – физик, как и ты. Души нет. По крайней мере, её существование не доказано.

– ?!!

– Пси-энергия, как я уже сказал, всего лишь пятый вид взаимодействия.

– Да-а, Чернов. Ты мне напоминаешь Колумба, открывшего Америку, но так и оставшегося в неведении о сим факте до конца своих дней.

– Повторяю. Души нет. Есть новый вид энергии, который, по предварительным данным, – Генка поднял указательный палец, – связан с человеком. Точнее, со смертью человека.

– А как же клиническая смерть, яркий свет, туннель, вся жизнь, как на киноплёнке?

– Бред. – Чернов рассмеялся. – Я конечно не специалист, но беседовал с одним очень уважаемым нейрохирургом. Сергей, посмотри на солнце пару секунд и закрой глаза. Вот тебе туннель. Органы зрения, как, впрочем, и других чувств, кроме осязания, расположены близко к мозгу. Поэтому при клинической смерти, когда сердце уже не бьётся, мы видим, слышим, даже вкус чувствуем той пластмассы, что нам в рот пихают для искусственной вентиляции лёгких. А роговица, хрусталик отмирать начинают по периферии, отсюда и яркий свет в центре. А вся жизнь как на плёнке... Знаешь, тот нейрохирург за рюмкой чая мне признался, что чем больше мы узнаём о мозге, тем больше мы его не знаем. Так-то вот.

Я молчал, не зная, что сказать. Мой друг продолжал:

– Смерть есть ноль на выходе. Безжизненное тело, как ни печально. Другое дело массовая смерть. Вот тут и появляется пси-аномалия, – Чернов грустно ухмыльнулся. – Знаешь, в МЧС придумали, как идентифицировать пси-всплески. Даже базу завели на умерших людей. Гоняются с нашими ловушками за душами неуспокоенных...

Я вдруг понял, что слушаю друга вполуха. Что на языке давно вертится вопрос. Что-то очень важное, связанное со мной и с Ингой, со вчерашним ночным происшествием. И с теми откровениями, что я услышал от Чернова.

Вспомнил:

– Генка, что такое День Школы? И Эффект Эха?

Чернов уставился на меня, затем совсем не по-лекторски почесал затылок и спросил:

– Там ещё осталось?

Я взял бутылку с остатками водки, разлил по рюмкам. Мы выпили.

Генка вздохнул:

– Со Школы, собственно, всё и началось. – Помолчал задумчиво, потом сказал: – А Эффект Эха вообще не научен. Могу излагать лишь в терминах «говорят, что...»

– Излагай, – согласился я.

Инга поднялась и села рядом со мной.

– Сначала факты. Построили школу. Обычную одиннадцатилетку. Город хоть и маленький, но школа была нужна, как воздух. Старые три просто задыхались. Построили. Первого сентября перерезали ленточку, первоклашка на плече у одиннадцатиклассника позвенела колокольчиком. А в мае школы не стало. Двадцать третьего мая, в аккурат перед последним звонком. В одиннадцать сорок шесть. Секунды не помню, хотя определили точно по записям сейсмографа. Девять лет назад.

Мы с Ингой слушали, затаив дыхание. Генка продолжал:

– Взорвалась. Была школа, стала груда камней. Детишки погибли. Много. Семьдесят восемь. Сорок восемь мальчиков, тридцать девочек. Младшие классы. Семь-одиннадцать лет.

Чернов потянулся и взял со стола пачку. Вытащил сигарету, помял её пальцами, закурил. Выпустил дым и долго смотрел, как сизое облако тает, медленно стекая к открытой балконной двери. Я молча наблюдал за ним.

– Стали разбираться. И знаешь, такое... всплыло... Инга, что с тобой?

Я удивлённо посмотрел на жену. Она уткнулась мне в плечо и тихо вздрагивала. Я взял её за руку, обнял.

Мой друг виновато предложил:

– Сменим тему?

– Нет, Гена, – Инга подняла заплаканное лицо. – Прости. Продолжай, пожалуйста.

Генка посмотрел на меня. Я пожал плечами.

– Хорошо... Суд был. В Доме культуры. Ползала отгородили под скамью подсудимых. Тридцать четыре человека обвиняемых. Трудовик, он же индивидуальный частный предприниматель. В подвале мастерскую открыл, газом варил, резал что-то. Баллоны обгорелые потом вытаскивали. Директор стройуправления...

– Сайдулаев, – вспомнил я репортаж по телевизору.

– Что? Да, кажется. Строил школу. Панели бракованные по дешёвке на заводе покупал. Бригадир строителей. Цемент мешками воровал и продавал. Даже водителей нашли, что те мешки возили. Целый посёлок коттеджный вырос. – Генка выругался. – Директор школы Кочетова. Ездил на последней модели «Лексуса». Один такой был в городе, белый с красным салоном. Инспектор обнадзора. Инспектор стройнадзора. Рабочий, что последним уходил уже под утро и баллон не закрыл. Сторожа-то откопали, опознали, но какой с него спрос. В крови ноль восемь промилле. Видимо, к обеду проспался и закурил...

Чернов замолчал. Мы с Ингой боялись дышать. С улицы доносился шум готовящегося ко сну города: торопящиеся домой запоздалые машины, голоса у подъезда, хлопнувшая дверь.

Генка с горькой иронией тихо продолжил:

– Сидят. Вроде люди, вроде нет. Зомби. Глаза пустые, безразличные. Плечи понурые. От защиты отказались. Все! У мужиков истерика: «Расстреляйте нас!» Женщины в обмороке, целая бригада скорой дежурила. Реальных сроков дали мало. Прокуратура даже не обжаловала.

Мой друг посмотрел на нас и медленно произнёс:

– У всех под завалом погибли дети. У каждого из тридцати четырёх.

Порыв ветра поднял штору, ворвался в комнату, лизнул меня по щеке. Вверху раздался хлопок, посыпались осколки стекла. Инга вскрикнула. Я поднял голову. Лампочка-розетка чернела пустой спиралью. Хлопнула вторая, рядом. Затем третья, четвёртая. Эстафета прошла вокруг зеркала, и когда взорвалась последняя, восьмая, в комнате воцарился полумрак.

Я посмотрел на Чернова. Тот сидел естественно с открытым ртом и смотрел в потолок.

– Китайские? – неуверенно предположил я.

– Не-а, дорогие покупал, – ошарашенно ответил он. – Наверное, скачок напряжения.

– Это же галогенки. Там ёмкость, накопление заряда. Им плевать на скачки.

– Электротехнику вспомни. Забыл, как горят конденсаторы? – Генка попытался вернуть лекторский тон, но это ему не удалось. Он был растерян. – Я сейчас, – сказал он, вскочил, выбежал в коридор и включил там свет.

– Серёжа. – Инга коснулась моей руки и сказала шёпотом: – Пошли домой.

Я посмотрел на жену. В её глазах была мольба. Я поцеловал её и прошептал успокаивающе:

– Конечно. Пойдём.

Настроение было хуже некуда. Концовка вечера явно не удалась. Чернов был огорчён. Стоял, смотрел, как мы обуваемся, бормотал что-то извиняющимся тоном, мол, не в последний раз. Мне стало его жалко, и я сказал:

– Ясное дело – не в последний. Ты палатку, надеюсь, не выбросил? А то приеду в отпуск, покажешь окрестности.

Генка просиял:

– Какой разговор!

Мы вышли из подъезда под ночное небо.

4

Инга плакала, отвернувшись от меня и уткнувшись в подушку. Я позвал её. Постепенно успокаиваясь, вздрагивая всё реже, она, в конце концов, заснула у меня на плече, забросив, как обычно, на меня ногу.

Я лежал в темноте и смотрел в потолок. Не спалось.

Мы не касались этой темы уже несколько лет. Негласное табу соблюдалось неукоснительно. Сейчас, когда жена спала, я вспоминал.

Нельзя сказать, что мы хотели, планировали ребёнка. По крайней мере, я. Поэтому, когда Инга объявила, что «кажется, ты станешь папой» я несколько удивился. Но потом решил: папой так папой. Месяце на шестом купили коляску. Крутую, дорогую. А вскоре...

Когда позвонили из школы и сказали, что Ингу увезли на «скорой», я всё бросил, поймал такси и уже через десять минут вбежал в палату. Она спала, накаченная какими-то лекарствами. Живота не было. Я прислонился к стене, осознавая, что произошло.

Инга сильно изменилась за месяцы беременности. Наверное, это происходит с каждой женщиной. Не знаю, опыта у меня нет. Она серьёзно готовилась к роли мамы. Хотела этого. Купила книжки, ходила в группу таких же будущих мам, занималась специальной гимнастикой.

Я два дня ночевал в больнице. Спал на полу возле её кровати. Кормил из ложечки, разговаривал с ней, гладил руку. Серьёзно опасался за её рассудок. Потерять ребёнка на седьмом месяце...

Через три дня я привёз её домой. Первое время было очень тяжело. Инга ходила по квартире, как привидение. Механически выполняла какую-то мелкую домашнюю работу. Но большую часть времени лежала и глядела в окно. Стоял сентябрь, и, мне кажется, она пересчитала все листья на тополе, что рос под нашими окнами. Листья желтели и опадали, и от этого становилось вдвойне страшно. Чтоб отвлечься, я насильно вывез её в деревню. Мы сделали ремонт в тётчином доме, поменяли обои. Немного отпустило.

Время лечит. К началу зимы жена стала оживать. В конце ноября, вернувшись вечером с работы, я застал Ингу сидящей на кухне. Перед ней на столе лежала телефонная трубка. Она подняла на меня глаза и сказала:

– Отвези коляску Светке.

Светка, её лучшая подруга, тоже ходила беременной. Хотя, какое там тоже... Я совсем забыл про неё. Не до того было.

С коляской была поставлена жирная точка. Ночью у нас был секс. Впервые за несколько месяцев. Это было как в первый раз. Мы оба жутко боялись, но всё прошло хорошо. Одновременно *достигнув*, мы ещё долго лежали, не в силах разомкнуться. Я целовал её глаза, а она гладила мне волосы...

Я любил свою жену. Семь лет супружеской жизни – большой срок. Любой семейный психолог может прочитать целую лекцию про серию пережитых к этому времени кризисов, неутешительную статистику разводов и так далее. Но мне было всё равно. Я повзрослел. Моя любовь повзрослела вместе со мной. Между нами появилось что-то неуловимое, невидимая нить, связывающая нас, делающая прекрасным каждый день, прожитый вместе, и невыносимым – в разлуке. И пережитая трагедия только сильнее сблизила нас.

Инга сладко посапывала у меня на плече, и я, как всегда это бывает, не заметил, как заснул.

– ...строят такие крутые лестницы!

Евдокия Петровна стояла на площадке между третьим и четвёртым этажом. Она жила на последнем, пятом. Со злостью посмотрев на лестничный пролёт, она вздохнула, подняла с пола сумку и заковыляла наверх. Сначала трость, потом здоровая нога. Так. Вторая ступенька. Трость, нога. Ступенька. Дальше. Эх, лет десять назад... Что там десять, ещё два года назад она поднималась без остановки. Медленно, но без остановки. И это в семьдесят два! А сейчас эта нога. Язва никак не хотела заживать.

Четвёртый этаж. Евдокия Петровна облокотилась о перила. Перевести дух и дальше. А что дома? Опостылевшие стены. Матильда, её кошка – единственное родное существо. Ольга, дочь, в тюрьме. Ещё шесть лет сидеть. Не пишет, не звонит, замкнулась совсем после того, как зять Виталий бросил. Написал письмо ей в тюрьму, собрал чемодан, занёс ключи от квартиры и укатил. Сказал, что на севера. Адреса не оставил... Муж Валера помер десять лет назад. Внучка Леночка, солнышко, золотце моё. Господи, за что?! Евдокия Петровна сглотнула подступивший к горлу ком. На могилке уже месяц не была, заросла, поди, вся.

Между четвёртым и пятым она ещё раз остановилась. Вон её дверь, сразу направо. Остался последний пролёт. Доковыляв кое-как, она прислонила трость к двери и полезла в карман пальто за ключами.

Замок, как назло, не открывался. Евдокия Петровна надавила плечом. Никак. Да что ж такое! Подёргала ручку. Дверь не поддавалась. Рука устала, и женщина отошла от двери передохнуть. Хотела взяться за перила лестницы, когда закружилась голова.

Ой, мамочки! Всё поплыло вокруг, и Евдокия Петровна начала падать. Выставив левую, поражённую язвой ногу, она инстинктивно приготовилась к неминуемой расплате в виде боли, но нога не нашла опоры. Первая ступенька лестницы оказалась предательски близко. Женщина успела подумать, что сейчас будет очень больно, гораздо большее усилия на нездоровую ногу. Падение было недолгим. Голова ударилась о бетон лестницы, раздался глухой треск, и свет для Евдокии Петровны померк навсегда.

...какое странное помещение. Столы на колёсиках, белые простыни, маленькие окна под потолком. А что там, за окнами? Посмотрим. Стена. Немного выше. Асфальт. Ах, это же подвал. Выше, выше, выше. Длинный дом, три этажа, красная крыша. Что-то знакомое. Точно, городская больница. Ладно, назад. Снова столы, простыни и темнота. Вон и дверь. Поглядим. Маленькая комнатка. Стол, горит настольная лампа. Телефон, чайник, две чашки, бумаги какие-то, журналы. Двое в салатových халатах, парень и девушка. Он что-то говорит, она хихикает. Эх, молодёжь. Одно на уме.

На улице... Ночь, звёзды. Красиво-то как! Где у нас главный вход? С другого конца. А мы вот так, сверху, да вокруг. У-у-ух. Прилетели. Приёмный покой. Спим на работе? И что с того, что ночь? Такая молодая, где ж ты так умаялась за день? По мужикам, небось, бегала?

Назад. Что ж меня туда тянет, к этим столам-простыням? Нет, ну какой сон, а! О-о-оп, прямо в форточку. Конечно в форточку, это и окном-то назвать нельзя. Всё-таки, какая здесь темень, хоть глаз выколи. А мы вот так. Ррраз, и всё видно.

Тьфу ты. Ноги торчат из-под простыней. Понятно, морг. К чему бы это? Как проснусь, надо сонник посмотреть. И почему мне так хочется заглянуть под эту простынь? Не под ту, ту или во-он ту, а именно под эту? Ну и загляну, что мне стоит.

А-а-а-а! Нет! Я не такая старая и страшная. Всё, просыпаемся. Просыпаемся, просыпаемся. Про-сы-па-ем-ся.

– Бабушка.

Что?! Кто?! Кто меня зовёт? Нет, не может быть!

– Бабушка, ты не спишь.

Леночка, внучечка, зайчик ты мой. Как я по тебе скучала! Какая ты... яркая, прямо солнце.

– Бабушка, ты не спишь, ты умерла.

Как умерла? Я сплю, всего лишь сплю, а ты мне снишься. Сейчас проснусь, и всё кончится. Дай на тебя посмотреть.

– Ты не проснёшься. Ты же видела себя под простынёй. Ты умерла, ударилась головой и умерла.

Помню. Я падаю. Больно. Всё, дальше ничего.

Нет... Нет, нет, нет! Этого не может быть. Прочь отсюда. На воздух. В ночь. И выше, выше, выше, к звёздам.

– Бабушка. Мы теперь всегда будем вместе.

Яркий шар висит рядом. Одно только лицо, детское лицо, такое до боли знакомое.

Нет, я не верю. Нет! А-а-а-а...

5

Я проснулся. Инга ещё спала. Светлые волосы разбросаны по подушке, губы приоткрыты. Интересно, снится ей что-нибудь сейчас?

Бесшумно встав с кровати, я прошёл в ванную, включил свет и облокотился о раковину. Из зеркала смотрело лицо двадцатидевятилетнего парня. Нет, в таком возрасте говорят уже «мужчины». Я повернул голову вправо, влево, рассматривая себя в профиль. Волосы русые прямые, глаза карие, нос... а что нос? – нос на месте. Я усмехнулся, под такую ориентировку полиция может задержать половину мужского населения страны, более-менее подходящего по возрасту.

Что Инга во мне нашла? Однажды она проговорила, что у меня волевой подбородок. Я подвигал скулой, потрогал. Щетина – проклятье всего мужского рода независимо от наличия воли у своего носителя – присутствовала и требовала решительных действий. Я взял с полки баллончик с пеной, выдавил на ладошку белый невесомый шарик. А ведь это Инга приучила меня пользоваться станком – призналась, что это так сексуально. Живя у родителей, я пользовался отцовской электрической бритвой.

Бритьё подходило к концу, когда из комнаты донеслось:

– Серёжа.

– Я в ванной.

– Иди ко мне.

Я быстро вытерся полотенцем, вышел из ванной. В полутьме добрался до кровати, лёг на бок, лицом к жене. Она тоже лежала на боку и смотрела на меня. Наши глаза были близко, сантиметрах в двадцати.

– Давай полежим. Просто полежим, – тихо сказала Инга.

– Давай, – согласился я.

– Знаешь, мне сон снился. Станный такой.

– Сны всегда странные.

– Нет, не всегда. А этот... – Инга задумалась.

– Просто расскажи всё по порядку, – предложил я.

– Хорошо.

Инга перевернулась на спину. Глядя в потолок, начала рассказывать:

– Я стою одна на поляне в лесу. Нет, не в лесу. Дорожки асфальтовые, клумбы, деревья, трава подстрижена... Это городской парк. Точно. Полумрак, но всё видно. Непонятно, день или ночь. Солнца точно нет. Вокруг меня летают шары. Яркие такие, как маленькие солнышки. Как шаровые молнии, только больше. Размером с большой воздушный шарик. Их много, они везде. И музыка играет, словно ручей журчит, словно детский смех.

Я представил себе эту сцену, пожал плечами.

– И что здесь странного?

– Я с ними разговаривала. – Жена посмотрела на меня. – Как с детьми. Я была как воспитательница в детском саду, выведшая детишек на прогулку. И эти шары вели себя точно как дети. Носились, играли, смеялись. Разве не странно? Я вот думаю, почему шары, почему именно такой образ?

– Инга, может, не надо? – спросил я с тревогой. Но она спокойно продолжала рассуждать:

– Не бойся, Серёжа, я в порядке. Допустим, вчерашние события сильно меня взволновали, я была под впечатлением. И мне должно было присниться что-то, связанное с детьми. Наверняка что-то страшное. И проснулась бы я вся в слезах. Но этот сон... Понимаешь, Серёжа, в нем всё не так. Неправильно. Мне трудно объяснить, но эти дети-шары... Я не чувствовала их тепла, они как неживые. Ты знаешь моё отношение к детям. А здесь – ничего,

глухая стена. Разговариваю с ними, а в душе пустота, сердце молчит, никаких эмоций. Странно ведь?

Я молчал. Я был потрясён: табу нарушено, мы говорили о детях. И больше всего потрясло спокойствие жены, её холодная рассудительность. Мне действительно стало страшно.

Захотелось сменить тему, и я предложил:

– Любимая, давай сегодня сходим куда-нибудь. В три закрытие конференции и после я совершенно свободен. Куда хочешь – ресторан, кино, концерт?

Инга придвинулась ко мне, обняла и зашептала мне в ухо:

– Любимый, своди меня на концерт. Я вчера в городе афиши видела – Бритни Спирс в Н-ске.

– Она же такая старая!

– Ну и что, мне нравятся её ранние песни.

– Хорошо, хорошо. Как скажешь.

Она отстранилась, посмотрела мне в глаза, улыбнулась и приникла ко мне губами. Я был награждён поцелуем, в конце которого Инга оказалась внизу, а её руки начали стаскивать с меня майку.

В перерыве между последним пленарным заседанием и закрытием конференции я решил посмотреть за билетами.

Институтский концертный зал был самым большим в городе. Что и понятно, наукоград строился ещё при Советском Союзе со всей подобающей инфраструктурой. Другой конец города, пять остановок на автобусе, но я пошёл пешком. Погода стояла просто на загляденье, настоящее лето. В Томске во второй половине мая возможно всякое, вплоть до заморозков и «временного снежного покрова». Здесь же понималось – всё, настоящее лето, безоговорочно и безвозвратно. Я шёл по проспекту, главному и единственному в Н-ске, закинув пиджак за плечо, и беззаботно взирая на витрины, людей, заполнивших по причине хорошей погоды улицы городка. В этот обеденный час народу было как никогда много. Мамаши с колясками облепили скамейки, тинэйджеры в странном одеянии, согласно только им ведомой моде, сбились в кучки и самозабвенно плевали на всех и вся вокруг, старушки там же, на скамейках рядом с мамашами, осуждающе обсуждали тинэйджеров...

Рядом с кассой подозрительно никого не было. Таблички «билетов нет» также не наблюдалось, и я с надеждой постучал в окошко.

– Что стучите, билетов нет, – обиженно ответила кассирша. Как будто мои способности читать её мысли не подвергались никакому сомнению.

Я обернулся. Если гора не идёт к Магомету... Тинэйджер в бейсболке набок и немислимо ярких футболке, куртке и шортах нагло и вызывающе смотрел на меня. Понятно, молодой человек, заранее презираешь меня, взрослого? Ну и ... с тобой.

Я подошёл к парню. Спросил:

– Билеты есть?

– Есть, а что? – ответил он и сплюнул.

– Надо два.

Он, конечно, заломил цену. Но представитель нашего светлого будущего, к счастью, оказался вполне вменяемым. Цену удалось сбить наполовину. Уже отойдя от него на несколько шагов и взглянув на номинал, я понял, что вопрос о вменяемости был задан не по адресу. Обернулся, но продавца уже след простыл. Взмахнув мысленно левой рукой и резко её опустив, я направился к остановке...

Церемония закрытия конференции шла своим чередом. Выступил представитель городской администрации, отметивший «статус Н-ска как научного центра мирового уровня» (не соврал, кстати). Сорок минут терзал микрофон и уши слушателей немец, убеждающий ауди-

торию на ужасном английском в «необходимости тесного сотрудничества между Россией и Евросоюзом в развитии инновационных технологий» (что, подкосил очередной кризис старушку Европу?). Наиболее интересно выступил председатель оргкомитета академик Фролов. Умный мужик. Никакой воды. Коротко и грамотно подвёл итоги, отметил удачные доклады, про неудачные дипломатично заметил «неоднозначные результаты», раздал, одним словом, всем сёстрам по серьгам.

Ближе к концу народ стал подтягиваться. Полупустой в начале заседания зал на глазах заполнялся. Объявленный сразу после закрытия банкет объединял людей независимо от национальности, учёной степени, уровня амбиций и тому подобное.

Чернов, сидевший до того в президиуме, во время речи немца незаметно слинял, подсел ко мне и на ухо сказал:

- Серёга, вчера так получилось...
- Генка, не напрягайся. Всё нормально.
- На банкет останешься?
- Не-а. Мы с Ингой на концерт идём.
- На Бритни Спирс? – Чернов удивлённо поднял брови.
- Инге она нравится. – Я пожал плечами, оправдываясь. – Ранние песни.
- Ну, если только ранние.

Мы попрощались, и Генка побежал на своё место, так как немец наконец-то истощился и председательствующий Фролов с облегчением обратился к залу: «Any questions?». Вопросов не было.

– ...а-а! Как больно.

Почесав пострадавшую щёку, я резко обернулся. Витька смеялся, уронив лицо в парту.

– Сайдулаев, не вертись!

Почему всегда так? Виктория Сергеевна делает замечание мне, когда виноват Витька. Это он залепил мне шариком, свёрнутым из бумаги, из своей плевательницы. Ну ладно, сейчас я тебе...

Смотрю на учительницу с умным видом. Как вы сказали? «Куликовская битва состоялась...» В каком-каком году? Да что вы говорите! А руки медленно откручивают колпачки у ручки: верхний, потом нижний. Вынимают стержень. Так, оторвём кусочек от тетрадки. От последнего листика, чтоб незаметно было. Быстро его в рот. Разжём и слепим шарик, ма-ленький, вот такой. Осторожно вытаскиваем его. Виктория Сергеевна, отвернитесь, пожалуйста, мне надо в Витьку стрелкнуть. Ага, отвернётся она. Наизусть весь учебник знает. А что, если вон в Ленку Кочетову, директрисину дочку, как раз передо мной через парту сидит. Не будет задаваться. Не тронь её, видите ли, «а то маме всё скажу».

Ага, отвернулась историчка. Сейчас главное быстро.

Я пово...

Хлопок. Класс сильно трянуло. Пол проваливается. Я падаю, краем глаза успеваю заметить, как на меня летит парта с соседнего ряда. Сильный удар в живот, потом снизу по спине...

...Где я? Что со мной? Темно, ничего не видно. И боль... Поднимается снизу. Из живота? Из ног? Непонятно. Наплывает волнами, такая тягучая. Голова кружится, как на качелях – туда-сюда, туда-сюда. И поворачивает, вращает... Открываю глаза – та же темнота, но кружит меньше.

Что это за шум? Как на стройке: машины работают, молотки отбойные, голоса. Всё как в тумане, глухо, не разобрать ничего. Где у меня руки? Кажется, чувствую пальцы. Левая рука зажата. А правая? Вроде двигается. Ой, как больно! Опять снизу... Ух, отпустило. Пошевелю

правой рукой. Упёрлась в холодное, твёрдое, гладкое. Камень. Дальше никак. Ой, опять нака- тило... Мама, папа, я сплю? Мне страшно!

Что это? Свет. Маленькая щёлочка и свет. Щель растёт. Как ярко! Закрываю глаза. Теперь медленно-медленно открываю. Собачка! Ты что тут делаешь? Открыла пасть и дышит, язык вон какой – красный и мокрый. Подняла голову и лает. Зачем ты лаешь?

Голова сильно кружится. И боль становится сильнее. Закрою глаза, полежу пока, отдохну. Ой, что такое тёплое? Собачка, зачем ты меня лижешь? Щекотно же. Перестала, ушла. И шум затих.

– Мальчик, ты меня слышишь?

Кто это? Кто меня зовёт? Надо открыть глаза. Почему так тяжело? Всё плывёт, плывёт... Лицо такое расплывчатое. А внизу уже всё горит, еле терплю. Лицо. Дяденька в форме. Нет, не полицейская. Вспомнил – форма спасателя. Открываю рот, хочу ответить ему. Ничего не получается, хрип один.

– Мальчик, если слышишь меня, моргни.

Моргнуть? Закрывать глаза и снова открыть? Попробую. Закрываю. Падаю, падаю, всё кружится-вертится... Теперь открыть. Не могу. Не могу! Мама, я не плачу, мне просто надо открыть глаза. Открыл. Они мокрые, я чувствую.

– Мальчик, не бойся, мы тебя сейчас вытащим. Ничего не бойся, малыш, всё будет хорошо.

Дяденька, не уходи, пожалуйста. Мне страшно. И больно очень. Очень-очень. Мне никогда не было так больно. Я уже не терплю, я плачу. Mamочка, забери меня отсюда. Больно! Мама! Mamоч...

...И это моя школа?! Ничего себе! Большая груда камней. И люди какие-то возятся в форме, военные? хм... с собаками, и машины пожарные стоят. Так это что ж получается – уроков завтра не будет? Вот классно!

Облечу вокруг. Да-а... Интересно, что случилось? Взорвали, наверное. Старшеклас-ники, точно. Я на днях забежал в туалет, они там курили, и один говорит: «Я в Сети рецепт бомбы нашёл, давай школу взорвём?» И заржали. Неужели и впрямь они?

Какой классный сон. Люблю летать во сне. Однажды над городом летал. Как птица – руки в стороны и паришь... Здорово было. Сейчас тоже ничего, над развалинами школы, вот приколы!

А это что такое? Яркий шар, висит и светится. Ну-ка, ну-ка... Ленка Кочетова?! Ты что здесь делаешь? Это мой сон, чего залезла? Смотрит, моргает: на меня, на развалины, снова на меня.

– Ты что здесь делаешь? – спрашиваю.

– Руслан, это ты?

– Я, кто же ещё.

– А почему ты в моём сне?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.